

Говоря это, портной посмеивался, а Рене не знал, что и ответить.

— Мне нужно как-нибудь так устроить, чтобы поговорить с ней.

Он старался попасться на глаза девушке, а сам думал: «Тот-то небось уже все из своего кошелька выгреб. Если выложу перед ней эти четыре реала — он еще не решался говорить про себя "мои четыре реала", — она точно пойдет со мной».

Как он думал, так и случилось. Увидев серебряную монету, девушка распрощалась со своим поклонником, и весь остаток дня Рене, румяный от удовольствия, приосанившийся, водил ее от одной лавки к другой.

Стоит ли говорить, что скоро-скоро ничего не осталось ни от денег портного, ни от денег Девы Марии. Вечером Рене проводил девушку до дому. Там его приняли хорошо, ведь родители узнали от дочери, как она провела день. И все-таки, когда наступила ночь и Рене пошел обратно в Кервезен, ему было невесело.

— Хорошо ты денек провел, — сказал ему портной.

— Хорошо, по-твоему?

— А чем плохо? Лучше и не бывает. Если и дальше так продолжать будешь, то скоро в Кервезене свадьбу сыграют.

— Тебе-то хорошо говорить «если и дальше так продолжать». Ты всегда мне деньги давать будешь?

— Ты сам знаешь, у кого самый большой кошелек. Ты что, не помнишь, что я тебе говорил недавно вечером? Смотри, куда ты сам себя завел. Вспять не повернешь, над тобой все смеяться будут. Ты с ней сегодня слишком далеко зашел. Чтобы дальше идти, тебе нужны только деньги. И они у тебя будут, стоит только захотеть, для этого не надо будет ни воровать, ни убивать, ни работать. Я тебе так скажу: уж взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Долго говорили они, пока шли от Дисплей до Кервезена. Открывая калитку, Рене сказал приятелю перед тем, как попрощаться:

— Ну ладно, сделаем мы это в воскресенье ночью...

В то воскресенье Рене поднялся рано утром. Не лежалось ему, не спалось. Он дал корма лошадям, а потом только и делал,